

Ксения Александровна КУКСО

| Парадигма заражения: рождение исследовательского поля |

Ксения Александровна КУКСО

¹ Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна
191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 18
Доцент кафедры рекламы и связей с общественностью

² Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук (РАН)
190005, Россия, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14
Ассоциированный сотрудник
Кандидат философских наук
ORCID: 0000-0003-2213-3026
e-mail: korsbai@mail.ru

ПАРАДИГМА ЗАРАЖЕНИЯ: РОЖДЕНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПОЛЯ*

В статье анализируется культурный контекст происхождения микробиологии. Представленное культурно-генеалогическое рассмотрение открытия исследовательского поля этой одной из важнейших наук о жизни сосредоточено на таком трудном вопросе как раскрытие тенденций и изменений культуры, предопределивших обособление и автономизацию научного познания болезнетворных инфекционных агентов. Автор анализирует изменения положения феномена заражения, его места и весомости в сфере познания природы, рассматривает культурную почву формирования эпистемологических инструментов, определивших инфекционные заболевания как самодостаточный объект познания.

Вопросы об основных стратегиях осмысления заражения, распространенных в культурном пространстве до возникновения инфектологии, каким образом и почему данный феномен претерпел метаморфоз из второстепенно интересующей проблемы, возникающей при постижении других явлений, в самодостаточный предмет познания являются для автора основными. Показывается, что до разработки

исследовательского поля инфектологии механизм заражения не тематизируется в описаниях эпидемий или находит краткое освещение, либо его определение служит для раскрытия более значимой проблемы. В рассмотрении входит исторически наиболее ранняя концепция патогенеза заразных болезней Джироламо Фракасторо, выступившая парадигмальной для их изучения. Анализируя ее ключевые теоретические установки и познавательные процедуры, а также акцентируя сформулированные в ней выводы, что привели к ревизии терапии и профилактики инфекционных болезней, автор показывает, каким образом был первоначально разомкнут незримый ярус природы, область патогенных агентов, оказывающий фундаментальное влияние на самосознание и социальное поведение человека.

Ключевые слова: невидимая природа, заражение, культурные модели осмысления инфекций, автономизация исследований устройства тела, культурная генеалогия познания инфекционных болезней, Д. Фракасторо.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00314 «Социальный порядок в условиях эпидемии: социально-философский анализ».

Ксения Александровна КУКСО

| Парадигма заражения: рождение исследовательского поля |

Захватывающие общества тяжелые, легко распространяющиеся болезни длительное время не являлись специальным предметом постижения в европейском культурном пространстве, но при этом присущая им высокая скорость распространения и масштабность несомой ими смертности порождали колоритные, экспрессивные в деталях описания. Наиболее ранние свидетельства здесь представляют «Илиада» Гомера и «Царь Эдип» Софокла, в сюжеты которых вплетены картины стремящихся к тотальности эпидемий, предстающих как полное бессилие природы и катастрофы, захватывающие целиком претерпевающие их сообщества.

Так Гомер рисует страшное, постигнувшее ахейское войско бедствие – масштабному уничтожению подвергаются сперва животные, а потом люди. Софокл открывает трагедию описанием обстановки в зачумленном городе, из которого становится ясен катастрофический характер эпидемии. Драматург отмечает, что заражению и несомой им смерти подвержены все формы жизни: всеобщее замыкание природы выражается в гибели всходов, стад, невозможности родоразрешения у женщин. Кроме этого, в «Царе Эдипе» отмечается и оцепенение общественной жизни: в этой перспективе чума, принося груды мертвых тел, притупляет оружие дум, отменяет базовые коллективные ритуалы, оставляя бессменными только крайние аффекты беспомощности и страха, но, при этом, данные повествования о катастрофических панорамах мира не обладают самодостаточным характером. И у Гомера, и у Софокла они служат примером последствия тяжелого нарушения исходного закона, отступления со стороны людей от порядка

божества: бедствие здесь представляет зримое проявление гнева божества за человеческое преступление. Поэтому закономерно, что в данных повествованиях описание эпидемии не уточняется прояснением механизмов заражения.

Отсутствие внимания к природе заражения порождает смещения в социальном восприятии носителей инфекционных болезней. Отделение проявлений опасных инфекционных заболеваний от их физического возбудителя и возникновение вокруг их заразности и параметра ослабления здоровья зловещей ауры, выступают основой для различных форм стигматизации, интерпелляции, социальной сегрегации их носителей. Как нормативные явления современности они описаны С. Сонтаг¹. Так вне рационализации патогенеза тяжелых передающихся заболеваний последние становятся удобным объектом активного социального мифотворчества: абстрагирующее восприятие, сводя непроясненный феномен к отдельным его свойствам, открывает возможность отношения к болезни как к одному из элементов производства идентичности ее носителя. Рассматриваемому Сонтаг социальному мифотворчеству вокруг носителей ВИЧ-инфекции в XX веке или туберкулеза в XIX в. можно указать историческую аналогию. Коллективные представления об особой идентичности пораженных лепрой, активно распространяемые в Европе в XII–XIV вв., объяснявшие причину их заражения радикальной порчей нрава увечных и создавшие основу для множества нерациональных сегрегационных практик в отношении зараженных, выступают явным примером тенденции отчужденного восприятия тяжелых

96

¹ Сонтаг, С. Болезнь как метафора // Сонтаг С. Болезнь как метафора. – М.: Ад Маргинем, 2016. – С. 7–90.

Ксения Александровна КУКСО

| Парадигма заражения: рождение исследовательского поля |

инфекционных болезней в европейской социальной истории.

Некоторые подступы к более целостному видению патогенеза легко передающихся опасных заболеваний были сделаны в греческую классическую эпоху. Так Софокл указывает на происхождение «заразы» от присутствующих повсеместно мертвых тел². В гиппократовском корпусе также встречаются отдельные замечания о причине заразных болезней, хотя для самого Гиппократов легко передающиеся болезни вписаны в ряд массовых, широко распространенных среди жителей определенных территорий заболеваний, исследование инфекционных и типичных болезней, следуя произведению, излагающему и клинический опыт Гиппократов, ведется по одному принципу. В «Эпидемиях», сосредоточенных на характерных для населения острова Фасос, Абдер, Кизика, Лариссы, недугах, указание общих причин, в данном контексте метеорологических условий, вызывающих заболевания, выступает основной познавательной процедурой и в отношении природы передающихся трудных болезней³. О конкретизации феномена заражения в гиппократовской традиции свидетельствуют лишь отдельные замечания. Так в речи «О ветрах» упоминается, что болезнетворное миазматическое начало, противодействующее природе некоторых тел людей и животных, может присутствовать в воздухе и порождать лихорадку⁴.

В обозначенный период наиболее емкое наблюдение о природе заражения содержит

«История Пелопонесской войны» Фукидида. Излагая собственный опыт «чрезвычайно заразной», вызывающей «повальную смертность» болезни, гнетущей Афины в 430 г. до н.э., Фукидид дает детализированный клинический отчет о ходе ее распространения и симптомах. Говоря о молниеносности чумы и небывалом уровне несомой ей смертности, Фукидид указывает, что первыми жертвами эпидемии становились врачи в силу их частой контактности с больными⁵. Кроме этого, им отмечается, что особенная степень страдания от болезни была у вновь прибывших беженцев⁶. Последнее замечание принадлежит ярко представленной у Фукидида линии повествования об эпидемии как полной деструкции общественной жизни. Однако присутствующий в этом свидетельстве натурализирующий взгляд на болезнь позволяет предположить наблюдение Фукидидом зависимости скорости распространения болезни от плотности расселения. И тем не менее, данные замечания не становятся в «Истории» темой для специального рассуждения, а встроены в общее повествование об эпидемии как сгущении значений ужасов войны. Для избранного Фукидидом предмета – выдающегося милитаризма и перспективы – освещения своего времени как наиболее значимого в истории – социальная история чумы с ее разрушительными воздействиями на социум имеет принципиальное значение для раскрытия стихии войны. Таким образом и пример свидетельства об эпидемии Фукидида показывает, что обращение к феномену заражения служит

97

² Софокл. Царь Эдип // Софокл. Драмы. В переводе Ф. Ф. Зелинского. Под ред. М. Л. Гаспарова и В. Н. Ярхо. – М.: Наука, 1990. – С. 11.

³ Гиппократ. Эпидемии, книги I и III // Гиппократ. Избранные книги [перевод с греческого проф. В. И. Руднева]. – М.: Гос. изд-во биол. и мед. лит-ры, 1936. – С. 329–392.

⁴ О ветрах (5,6) // Гиппократ. Избранные книги [перевод с греческого проф. В. И. Руднева]. – М.: Гос. изд-во биол. и мед. лит-ры, 1936. – С. 265–266.

⁵ Фукидид. История [перевод с древнегреческого и примечания Г. А. Стратановского]. – Ленинград: Издательство «Наука», 1981. – С. 84.

⁶ Там же. С. 86.

Ксения Александровна КУКСО

| Парадигма заражения: рождение исследовательского поля |

дополнительным элементом повествования, способствующим раскрытию основной темы.

История специализации интереса к заражению, определения заражения как центрального предмета исследования, восходит к середине XVI века, когда в 1546 году итальянский энциклопедист, врач и писатель Джироламо Фракасторо публикует работу «О контагии, контагиозных болезнях и лечении», всецело посвященную прояснению природы заражения, исследованию его видов, описанию специфики распространения и протекания различных инфекционных болезней. Вопрос возникновения представленного здесь тематического рассмотрения заражения приводит к длительной истории автономизации интереса к устройству человеческого тела.

Наиболее ранние проявления устойчивости самостоятельной воли к наблюдению за темными глубинами тела несли в себе, вероятно, традиция Салернской врачебной школы. Так интенсификацию эмпирического компонента в физиологических исследованиях на средневековом Западе историки медицины связывают с развиваемыми в этом видном в X–XIII века медицинском институте практиками регулярного анатомирования, диагностики болезней, легитимации медиков, профессионализированного внимания к женскому телу. Но, при этом, сформулированные здесь выводы о телесных недугах во многом исходили из галеновской теории, которая служила объяснительным принципом наиболее весомых достижений в области физиологии и терапии. Данная тенденция явно проявилась в начале XIV в. в наследии врача, теоретика медицины, визионера Арнольда из Виллановы,

представившего компендиум врачебных подходов данной школы в «Салернском кодексе здоровья».

Но тем не менее, само внимание к подробностям телесной жизни, особенно выраженное у салернцев среди медицинских школ высокого и позднего Средневековья, вызвало значительный сдвиг в отношении к телу, обусловив рост самоценного интереса и усиление охранительных тенденций в отношении к телесной жизни. Неслучайно салернцы упоминаются при проявлении идиосинкразии к носителям чрезмерной погруженности в вопросы тела. Так французский теолог конца XII в. Петр Кантор порицает устремляющегося в Салерно современника: он «заботится больше о теле, чем о душе, бежит в Салерно, советуется с докторами, изучает гражданское право, пренебрегая божественным законом, тратит больше на тело и мир, чем на душу и небеса»⁷. И одновременно теологический дискурс XII–XIII вв. обильно пополняется медицинскими метафорами и образами. Приводимые У. Блэком тонкие свидетельства данной тенденции, показывающие как теологи обращались к подробностям телесной терапии с намерением перевести практику исповеди в разряд регулярных, указывают на социальную популярность медицинских реалий. Прием включения относящихся к сфере терапии образов в теологические обоснования свидетельствует о суггестивности их значений. Так Бернар Клервоский сравнивает различные процедуры покаяния с действенностью исцеляющей мази: «Мазь раскаяния – это *pungitivum*, причиняет боль; мазь молитвы – это *temperativum*, успокаивает боль; мазь благочестия – *sanativum*, изгоняет

⁷ Цит. по: Блэк, У. Средневековая исповедь как врачевание // Средние века: исследования по истории

Средневековья и раннего Нового времени. Вып. 78 (1-2). – М.: Наука, 2017. – С. 270.

Ксения Александровна КУКСО

| Парадигма заражения: рождение исследовательского поля |

болезнь»⁸. А архидиакон Лондона и Бата Петр из Блуа насыщает описание покаяния деталями процедур кровопускания, находя спиритуальный эквивалент даже извлечению крови с лечебными целями: «... он соотносит исповедь с изначальным вскрытием вены, а само горе от покаяния с флеботомией и удалением избытка поврежденных жидкостей»⁹. Эта тенденция поддерживается и позже. В письме к понтифику Григорию XI Екатерина Сиенская также использует метафоры мази и раны себялюбия, но здесь удовольствие от втирания мазей выступает метафорой своеволия, а акт по преодолению себялюбия выражается упоминанием традиционной методики прижигания железом¹⁰. Эти колоритные примеры показывают, что медицинские разработки высокого Средневековья порождали новые влиятельные сферы внимания: открываемые образы физического тела и способов его оздоровления становились инструментом различения душевных состояний. Но данные образы высвечивали только определенный уровень телесных явлений. Доступ к деталям телесного бытия европейцы получают в жесточайших условиях эпидемий чумы, которые в течение продолжительных периодов с 1347 г. до марсельской чумы 1720–1722 гг. выступали непреложным фактом повседневности.

Так постоянно возобновляющиеся в Европе эпидемии чумы оборачивались разрушением матриц основополагающих ценностей и парадигм повседневности охватываемых ими обществ. Чума вызывала статусное и ценностное безразличие – повальность заражения приводила

к упадку ценностных таблиц и статусных регламентаций. В этом отношении фиксируемое Боккаччо в отношении флорентийской эпидемии чумы 1348 года почти полное исчезновение человеческих и божественных законов при свирепствовании эпидемии – устойчивая характеристика периодов плотного натиска болезни, отмечаемая в различных исторических отчетах о чуме. Распад базовых социальных взаимодействий и многообразие проявлений социальных аномий – постоянная черта данной ситуации. Так существуют источники, освещающие, каким образом уничтожение социального порядка и регулярности обыденной жизни при постоянстве массовой гибели вызывают наиболее разрушительные реакции у свидетелей – утрату речи, памяти и безумие, находящее выход в самоубийствах¹¹.

Кроме этого, два первых столетия эпидемий чумы в Европе вызвали и ревизию традиционных медицинских оптик. Эпидемии приносили вездесущность мертвых тел как типичный компонент повседневного антуража захваченных болезнью пространств, при этом усопшие оставались за пределами социального обмена: кризис погребальных ритуалов – хорошо засвидетельствованный феномен пиков распространения чумы в Европе в XIV–XVII вв.¹² Превращенный чумой в упорную фактичность зримый натурализм распада тел, который уже не могли адаптировать используемые медицинские подходы, прежде всего, гиппократо-галеновская модель, вероятно, и выступил той социально-материальной сферой, что мотивировала волю к

⁸ Цит. по: там же. С. 263.

⁹ Цит. по: там же. С. 266.

¹⁰ Екатерина Сиенская. Письмо 1 (185). Григорию XI // Екатерина Сиенская. Письма. – М.: «Наука», «Ладомир», 2013. – С. 8–9.

¹¹ Дефо, Д. Дневник чумного года. – М.: Ладомир, Наука, 1997. – С. 89, 95.

¹² Делюмо, Ж. Ужасы на Западе. – М., 1994. – С. 99–100; Боккаччо, Д. Декамерон. – М.: Художественная литература, 1994. – С. 39–40; Дефо, Д. Дневник чумного года. – М.: Ладомир, Наука, 1997. – С. 92.

Ксения Александровна КУКСО

| Парадигма заражения: рождение исследовательского поля |

поиску новых способов постижения темных глубин тела. Для выведенных в эпидемии к зримости деталей телесной жизни обширные связи, устанавливаемые при ее объяснении гиппократо-галеновской медициной, являлись уже слишком пространными. Это обстоятельство во многом предредило возникновение крайне влиятельных моделей тела и его патологий, заложивших фундамент новоевропейской медицины.

Так, во-первых, резкий скачок интереса к скрытым толщам принципиально любого тела привел к эпистемологически авангардной последовательности анатомических исследований XVI века с характерной для нее тенденцией к все большей детализации, пополнению все более мельчайшими явлениями и связями. И, во-вторых, сумрачная область запутанного многообразия заразных болезней выделилась в особое поле исследований – впрямь не сила широкомасштабно причиняющих смерть болезней использовалась в раскрытии более значимых явлений, а сам патогенез передающихся заболеваний явился предметом самостоятельного интереса познания.

Об эпидемиях как важнейшем факторе данных ревизий свидетельствует пришедшее уже с натиском чумы 1347–1348 гг. осознание недостаточности базовых медицинских подходов. Так в обширном исследовании социальной истории чумы М. В. Супотницкого и Н. С. Супотницкой упоминается, что, следуя К. Зудгофу, «лучшим доказательством перемен в медицинской науке стали два слова, которыми самый

схоластический из всех медицинских факультетов того времени в Падуе начал свой *oilier* на обращение властей по поводу чумного регламента 1348 г. Мы находим здесь не “так говорит Гален” или “так гласит Авиценна” (*sicut (licit Galienus, или sicut ait Avicenna)*), как это полагалось по правилам схоластики, но “*Visis effectibus*”, т. е. после того, как мы увидели то, что делает чума¹³. И позже именно с Высшей школой Падуи будут связаны авангардные медицинские исследования, несущие в себе новые способы постижения телесной жизни. Именно здесь состоится серия эпохальных разработок новой анатомии, проведенных А. Везалием, Р. Коломбо, Г. Фаллопием, И. Фабрицием (последние из которых повлияли и на У. Гарвея)¹⁴, что сформируют парадигмальную для новоевропейских подходов к телу функционально-анатомическую модель. Здесь же создатель первой теории инфекционных болезней Д. Фракасторо получит образование и профессорскую должность.

В числе ревизий постоянно возобновляющиеся эпидемии чумы создали весомый практический повод для исследований тяжелых инфекционных болезней. Так применяемые противоэпидемические меры регулярно включали в себя карантин возможных источников заражения. Карантин как противодействие эпидемии фиксируются в Венеции уже в 1348 г., в Италии и Южной Франции следующие после черной смерти десятилетия отмечены закрытием гаваней и созданием изоляционных пунктов при распространении эпидемий¹⁵. В портовых городах после черной смерти последовательно вводятся

¹³ Супотницкий, М. В., Супотницкая, Н. С. Очерки истории чумы. Книга I. Чума добактериологического периода. – М.: Вузовская книга, 2006. – С. 103.

¹⁴ Сорокина, Т. С. Андреас Везалий (1514–1564) и Падуанская анатомическая школа (к 500-летию со дня рождения) // Проблемы социальной гигиены,

здравоохранения и истории медицины: научно-практический журнал. – 2014. – N 5. – С. 52–56.

¹⁵ Супотницкий, М. В., Супотницкая, Н. С. Очерки истории чумы. Книга I. Чума добактериологического периода. – М.: Вузовская книга, 2006. – С. 102.

Ксения Александровна КУКСО

| Парадигма заражения: рождение исследовательского поля |

карантины, обсерваторы и изоляторы – в 1374 г. Рагузы, в 1377 г. Далмации¹⁶. Кроме этого, в итальянских портах с середины XIV была введена должность «попечителей здоровья» для контроля выполнения карантинных мер¹⁷. Миланский эпизод чумы 1575–1577 гг. содержал в себе и закрытие доступа к городу, и длящийся в течение трех месяцев карантин для его жителей¹⁸. Так регулярность использования карантинных мер свидетельствует о присутствии допонятийного понимания значения приостановки человеческих потоков и других источников заражения для преодоления эпидемии.

И уже в опубликованной в 1546 году работе «О контагии, контагиозных болезнях и лечении» Д. Фракасторо несколько отстраненным, ровным тоном заявляет о самодостаточности для исследования вопросов контагиозных болезней, характеризуя последние и их лечение как предмет обширный и вызывающий немалое удивление¹⁹. В проявленной здесь Фракасторо эмоциональной дистанции к постоянно прерывающим жизни современников болезням можно увидеть явную волю к их контролю, выраженную в определении тяжелых заболеваний как обозримого предмета познания.

Выделение новой исследовательской области в труде Фракасторо явственно и в развиваемом здесь подходе. Так Фракасторо с постоянством говорит о необходимости именно «тщательного» изучения вопросов, связанных с передачей, развитием и лечением инфекционных заболеваний. Кроме этого, обращает на себя

внимание четкость порядка вопросов, задаваемых ученым в отношении интересующего его предмета, и хорошо выверенная, несбивающаяся последовательность их разрешения. Так осмысление проблемы заражения здесь движется по ясной траектории – от рассмотрения природы инфекционных заболеваний через проблему их массового распространения к вопросам их клинических симптомов и лечения. Проявляемая таким образом аналитическая установка в отношении сложного феномена, предполагающего в силу разносторонности сопровождающих его явлений многомерность рассмотрения, и упорядоченная работа с каждым из возникающих вопросов, выявляют методичность размышления Фракасторо.

Развертывание метода дает связную теорию, благодаря объяснительным принципам которой сложный феномен передающихся болезней схематизируется, обнаруживает четкую структуру. Примечательно при этом, что последовательное, упорядоченное выражение мысли создателя инфектологии сопровождается историко-культурными контекстуализациями, примерами из его биографической реальности, что создает объем и живость ее неблагоприятному предмету. Так из текста Фракасторо становится известно, что сифилис в XVI веке возможно было рассматривать как одно из достойных удивления явлений эпохи²⁰, как обретшую высокую популярность поэму о нем Фракасторо создает сугубо ради развлечения, укрывшись от

101

¹⁶ Заблудовский, П. Е. Развитие учения о заразных болезнях и книга Фракасторо // Фракасторо Д. О контагии, контагиозных болезнях и лечении. В трех книгах. – М.: Изд-во Академии наук, 1954. – С. 190–191.

¹⁷ Там же. С. 193.

¹⁸ Cohn, S. K. (2010). *Culture of Plague. Medical Thinking at the End of the Renaissance*. Oxford University Press. 103–105.

¹⁹ Фракасторо, Д. О контагии, контагиозных болезнях и лечении. В трех книгах. – М.: Изд-во Академии наук, 1954. – С. 7.

²⁰ Там же. С. 50.

Ксения Александровна КУКСО

| Парадигма заражения: рождение исследовательского поля |

мора в своем сельском имении²¹, что множественность подходов лечения к одной из тяжелых моровых горячек его времени привела к соловно недифференцированной массовой смертности²². Но все эти выражения исторического рельефа эпохи всего лишь иллюстративны к развертываемой в тексте исследовательской программе, последовательно и филигранно раскрывающей свой предмет.

Так, начиная с определения сущности патогенеза инфекционных заболеваний, Фракасторо детально освещает причину таковых. В этой парадигме контагием, мельчайшим невидимым острым и вязким в различной степени семенем, способным входить в тело, связываться с его соками и посредством данной связи размножаться, образуя вязкие и твердые сочетания, объясняется процесс заражения инфекционной болезнью. Фракасторо конкретизирует данное понятие, уточняя различия контагиев по виду распространения и составу. Так вредоносное начало может поражать непосредственно, через очаги заражения и дистантно, и для каждого обозначенного типа заражения прослеживается его ход. В отношении всех распространяющихся заболеваний утверждается общая объяснительная модель. Их развитие связывается с действительностью в пораженном теле контагия, «прилипания» его к сокам, с которым у него есть аналогия, порождения вследствие этого других патогенных семян, постепенным связыванием последних со всеми телесными соками²³ и происходящим в результате такой экспансии процесса подобно гниению²⁴.

Данная общая схема патогенеза уточняется качественным составом контагия,

определяемым способностью невидимых болезнетворных семян переноситься на расстояние, их силами действия и проникновения, степенью остроты и вязкости, что обуславливает род болезни и манеру ее протекания. Отмечаются и другие различия контагиев: «Контагии не все одинаковы: одни первоначально образуются в нашем теле; они зарождаются в ком-либо одном, а потом переходят от одного к другому; другие первоначально приходят извне, и, образовавшись, переходят с одного человека на другого. Иные блуждают по поверхности тела и едва затрагивают кожу; иные захватывают плотные части; иные – внутренние, а иные – как внутренние, так и наружные. Некоторые чрезвычайно быстро прилипают и поражают, а некоторые – более медленно. Одни обнаруживаются тотчас же, другие спустя некоторое время. Одни смертельны, другие совершенно не опасны для жизни. ... Одни тела воспринимают их очень легко, другие никогда не воспринимают, а некоторые – с трудом»²⁵. Так специфика, тяжесть и излечимость болезни зависит от различий контагия.

Сосредоточенность на поиске сущности заразного начала не мешает Фракасторо прояснить ее специфику, не теряя измерение встроенности контагия во вселенную природы и качественный состав конкретных человеческих тел. Так блестящий исследователь описывает, каким образом изменения различных ярусов природного мира предвещают возможность распространения заразных болезней. Объяснительный принцип при этом используется тот же: определенная констелляция планет, движения земной коры или обилие насекомых вызывают особые

²¹ Там же. С. 141.

²² Там же. С. 32.

²³ Там же. С. 32.

²⁴ Там же. С. 32.

²⁵ Там же. С. 36.

Ксения Александровна КУКСО

| Парадигма заражения: рождение исследовательского поля |

испарения, обуславливающие гниение, которое, в свою очередь, предопределяет присутствие различного начала²⁶. При этом интересны обозначаемые Фракасторо практические предписания: свидетелям данных метаморфоз, ученый рекомендует культивировать бесстрашное понимание распространения патогена и при некоторых явлениях – бежать из мест его присутствия²⁷. По отношению к конкретным человеческим телам Фракасторо также выделяет признаки их предрасположенности к инфекционным заболеваниям, обнаруживая в закупорках, полноте, исчерпанности соков тел условия для образования внутренних контагиев²⁸.

Характерность данной объяснительной модели обнаруживается на множестве примеров конкретных заразных заболеваний. Фракасторо рассматривает патогенез и особенности протекания оспы, кори, неизвестных для его времени тяжелых горячек, именуемых в просторечье чечевичками или укольчиками, чахотки, бешенства, сифилиса, лепры, упоминает чесотку. Спецификация, определение особенностей недугов обуславливается типом контагия и манерой его действительности. Интересно при этом, что Фракасторо отмечает новизну для своего времени некоторых болезней – среди таковых оказывается сифилис, особый вид плеврита, именуемые чечевичками или укольчиками горячки, что может быть связано и с широким распространением этих заболеваний и более мощными диагностическими возможностями в данную эпоху.

Переходя к вопросам лечения, Фракасторо вновь задействует прием конкретизации, показывая, что подбор терапии должен определяться качеством патогенного начала, его

действенности, и метод лечения необходимо предписывать, обращая внимание на степень сложности патологии – учитывая, возможно ли уничтожить только сам патогенный агент или необходимо воздействовать на пораженные им и находящиеся на его пути телесные структуры. Но в сформулированном Фракасторо подходе к терапии есть и общие структурные черты, которые предрешили ревизию традиционных терапевтических методик: так Фракасторо прямо отрицает универсальность оздоровительной пользы кровопускания, замечая, что при моровых горячках не следует во всех случаях практиковать флеботомию по причине распространения заражения при движении крови²⁹. Кроме этого, идеи Фракасторо привели к обоснованию принципа изоляции как необходимой санитарно-гигиенической меры при распространении заражения. В его работе утверждается необходимость метамедицинского внимания к распространяющимся неизлечимым заболеваниям: согласно Фракасторо, моровые горячки должны вызывать к себе больше общественной и частной заботы³⁰. В случаях таковых в качестве общей профилактической меры Фракасторо предписывает срочность бегства из мест присутствия заражения или более хладнокровный принцип изоляции, сжигание возможных источников инфекции и применения различных средств для недопущения проникновения в тело зараженного воздуха³¹.

Весь ансамбль, введенных Фракасторо в отношении заразных болезней приемов познания, предполагавших сочетание непреложного методизма постановки и рассмотрения вопросов, работу с обнаруживаемыми на этом пути

²⁶ Там же. С. 43.

²⁷ Там же. С. 43.

²⁸ Там же. С. 37.

²⁹ Там же. С. 116–117, С. 132.

³⁰ Там же. С. 128.

³¹ Там же. С. 130.

Ксения Александровна КУКСО

| Парадигма заражения: рождение исследовательского поля |

конкретными явлениями и извлечение из нее прикладных терапевтических и гигиенических выводов, разомкнул колоссальный невидимый ярус природы. Эта артикуляция выступила возможностью для сложной истории дальнейших уточнений и различений в составе последнего, что определило содержание раннего периода становления микробиологии.

Список литературы

- Сонтаг, С. Болезнь как метафора // Сонтаг С. Болезнь как метафора. – М.: Ад Маргинем, 2016. – С. 7–90.
- Софокл. Царь Эдип // Софокл. Драмы [перевод с древнегреческого Ф. Ф. Зелинского; под ред. М. Л. Гаспарова и В. Н. Ярхо]. – М.: Наука, 1990. – 605 с.
- Гиппократ. Эпидемии, книги I и III // Гиппократ. Избранные книги [перевод с греческого проф. В. И. Руднева]. – М.: Гос. изд-во биол. и мед. лит-ры, 1936. – С. 329–392.
- О ветрах (5,6) // Гиппократ. Избранные книги [перевод с греческого проф. В. И. Руднева]. – М.: Гос. изд-во биол. и мед. лит-ры, 1936. – С. 255–266.
- Фукидид. История [перевод с древнегреческого и примечания Г. А. Стратановского]. – Ленинград: Издательство «Наука», 1981. – 544 с.
- Блэк, У. Средневековая исповедь как врачевание // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени (Вып. 78 (1-2)). – М.: Наука, 2017. – С. 255–275.
- Екатерина Сиенская. Письмо 1 (185). Григорию XI // Екатерина Сиенская. Письма. – М.: Наука, Ладомир, 2013. – С. 7–12.
- Дефо, Д. Дневник чумного года. – М.: Ладомир, Наука, 1997. – 480 с.
- Делюмо, Ж. Ужасы на Западе. – М.: Голос, 1994. – 416 с.
- Боккаччо, Д. Декамерон. – М.: Художественная литература, 1994. – 484 с.
- Супотницкий, М. В., Супотницкая, Н. С. Очерки истории чумы. Книга I. Чума добактериологического периода. – М.: Вузовская книга, 2006. – 468 с.
- Заблудовский, П. Е. Развитие учения о заразных болезнях и книга Фракасторо // Фракасторо Д. О контагии, контагиозных болезнях и лечении. В трех книгах. – М.: Изд-во Академии наук, 1954. – С. 190–191.
- Cohn, S. K. (2010). *Culture of Plague. Medical Thinking at the End of the Renaissance*. Oxford University Press.
- Сорокина, Т. С. Андреас Везалий (1514–1564) и Падуанская анатомическая школа (к 500-летию со дня рождения) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины: научно-практический журнал. – 2014. – N 5. – С. 52–56.
- Фракасторо, Д. О контагии, контагиозных болезнях и лечении. В трех книгах. – М.: Изд-во Академии наук, 1954. – 323 с.

Kseniya A. KUKSO

| The Paradigm of Contagion: Birth of the Research Field |

Kseniya A. KUKSO

¹ Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design
18, Bolshaya Morskaya Street, Saint-Petersburg, 191186, Russian Federation
Associate Professor of Department of Advertising and Public Relations

² The Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
25/14, Seventh Krasnoarmeyskaya, Saint-Petersburg, 190005, Russian Federation
Associate Researcher
Associate Professor, PhD in Philosophy
ORCID: 0000-0003-2213-3026
e-mail: korsbai@mail.ru

THE PARADIGM OF CONTAGION: BIRTH OF THE RESEARCH FIELD*

The cultural context of the origin of microbiology are analyzed in the article. The cultural-genealogical research of the formation of the research field of this one of the most important life sciences is focused on such a difficult questions as determining the trends and changes in culture that predetermined the isolation and autonomy of the scientific cognition of infectious agents. The author analyzes the changes of position, namely the place and weight, of the phenomenon of infection in the field of cognition of nature, studies the cultural basis of the formation of epistemological tools that determined infectious diseases as a self-sufficient object of cognition.

The questions about the main models of the infection's comprehension that took place in cultural space before the emergence of infectiology, how and why the phenomenon of infection and transmitted infectious diseases underwent metamorphosis from only a

secondary problem of interest, considered within understanding more significant phenomena, into a self-sufficient subject of cognition are basic for the author. The review includes the historically earliest concept of the pathogenesis of infectious diseases by Girolamo Fracastoro, which was paradigmatic for their study. Highlighting its key theoretical attitudes and methods of cognition and emphasizing the conclusions formulated in it, which led to a revision of the medical and preventive attitude to infectious diseases, the author shows how the invisible tier of nature, the area of pathogenic agents, originally opened up, which has fundamental impact on self-awareness and social behavior of human.

Key words: invisible nature, contagion, cultural models of infection's comprehension, autonomization of research of body's structure, cultural genealogy of knowledge of infectious diseases, D. Fracastoro.

* *The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00314.*

References

Sontag, S. (2016). *Bolezn' kak metafora* [Illness as Metaphor] // Sontag S. *Bolezn' kak metafora* [Illness as Metaphor]. Ad Marginem. (In Russian).

Sofokl. (1990). *Car' Edip* [Oedipus the King] // Sofokl. *Dramy* [perevod s drevnegrecheskogo F. F. Zelinskogo; pod red. M. L. Gasparova i V. N. YArho]. [The Dramas]. Nauka. (In Russian).

Gippokrat. (1936). *Epidemii, knigi I i III* [Epidemics, books 1 and 2] // Gippokrat. *Izbrannye knigi* [perevod s grecheskogo prof. V. I. Rudneva] [Selected books]. Gos. izd-vo biol. i med. lit-ry. (In Russian).

O vetrah (5,6). (1936). [About the Winds]// Gippokrat. *Izbrannye knigi* [perevod s grecheskogo prof. V. I. Rudneva] [Selected books]. Gos. izd-vo biol. i med. lit-ry. (In Russian).

Kseniya A. KUKSO

| The Paradigm of Contagion: Birth of the Research Field |

Fukidid. (1981). Istoriya [History of the Peloponnesian War] [perevod s drevnegrecheskogo i primechaniya G. A. Stratanovskogo]. Izdatel'stvo «Nauka». (In Russian).

Blek, U. (2017). Srednevekovaya ispoved' kak vrachevanie [The Medieval Confession as Healing] // *Srednie veka: issledovaniya po istorii Srednekov'ya i rannego Novogo vremeni. Vyp. 78 (1-2)*. 255–275. (In Russian).

Ekaterina Sienskaya. (2013). Pis'mo 1 (185) Grigoriyu XI [Letter 1 (185). Gregory XI] // Ekaterina Sienskaya. Pis'ma [Letters]. «Nauka», «Ladimir». (In Russian).

Defo, D. (1997). Dnevnik chumnogo goda [A journal of the plague year]. «Ladimir», «Nauka». (In Russian).

Delyumo, ZH. (1994). Uzhasy na Zapade [Horrors in the West]. Golos. (In Russian).

Bokkachcho, D. (1994). Dekameron [The Decameron]. Hudozhestvennaya literatura. (In Russian).

Supotnickij, M. V., Supotnickaya, N. S. (2006). Ocherki istorii chumy. Kniga I. CHuma dobakteriologicheskogo perioda [Essays on the History of the Plague. Book I. Plague of the prebacteriological period]. Vuzovskaya kniga. (in Russian).

Zabludovskij P. E. (1954). Razvitie ucheniya o zaraznyh boleznyah i kniga Frakastoro [Development of the doctrine of infectious diseases and the book of Fracastoro] // Frakastoro D. O kontagii, kontagioznyh boleznyah i lechenii. V trekh knigah [On contagion, contagious diseases and treatment]. Izd-vo Akademii nauk. (in Russian).

Cohn, S. K. (2010). *Culture of Plague. Medical Thinking at the End of the Renaissance*. Oxford University Press.

Sorokina, T. S. (2014). Andreas Vezalij (1514–1564) i Paduanskaya anatomicheskaya shkola (k 500-letiyu so dnya rozhdeniya) [Andreas Vesalius (1514–1564) and the Padua Anatomical School (to the 500th anniversary of his birth)] // *Problemy social'noj gigieny, zdravooohraneniya i istorii mediciny: nauchno-prakticheskij zhurnal*. – N 5. 52–56. (in Russian).

Frakastoro, D. (1954). O kontagii, kontagioznyh boleznyah i lechenii. V trekh knigah [On contagion, contagious diseases and treatment]. Izd-vo Akademii nauk. (In Russian).

